

Ю. В. Буйнов

Вопросы хронологии и периодизации марьяновской культуры эпохи бронзы

числу наименее изученных в системе этнокультурных образований бронзового века юга Восточной Европы относится марьяновская культура. Ее название происходит от памятника открытого и обследованного М. Я. Рудинским и Н. Я. Морачевским у с. Марьяновка Сумской области в 1929 г. [1, с. 191–201]. Статус археологической культуры она приобрела после новых исследований, проведенных экспедициями Института археологии АН УССР в 50-х гг. XX в., когда было обнаружено значительное количество новых поселений с керамикой марьяновского типа. Небольшие по объему раскопки удалось провести на поселениях у сел Ивановка, Волынцево и Глушец [2, с. 41]. Интерес к ним возрос в контексте открытия новых памятников финала бронзового века у с. Малые Будки и в уроч. Бондариха, в керамических комплексах которых были замечены некоторые признаки, указывающие на их генетическую связь с марьяновской культурой. Результаты дальнейших исследований позволили С. С. Березанской и В. А. Ильинской наметить единую линию этнокультурного развития на территории Левобережной Украины эпохи бронзы, которую они видели в существовании особой марьяновско-бондарихинской культуры [3, с. 363–373]. По их мнению, ее ранний этап (XVIII—XV вв. до н. э.) был представлен памятниками марьяновского типа, средний (XIV—XI вв. до н. э.) — малобудковского типа, а поздний (XI—VIII вв. до н. э.) — бондарихинской культурой. При этом они обратили внимание на то, что марьяновская культура в своем классическом виде существовала только в Левобережном Полесье, а генетически связанные с ней малобудковско-бондарихинские поселения занимали Днепро-Донецкую лесостепь. В качестве основной причины такому изменению в их ареале называлось вторжение в середине II тыс. до н. э. носителей сосницкого варианта восточно-тшинецкой культуры в область расселения марьяновских племен.

С накоплением в конце прошлого и начале нынешнего века новых данных появилась возможность внести в эту схему некоторые существенные изменения и дополнения. В частности, автором статьи было предложено вместо малобудковского периода в Днепро-Донецкой Лесостепи выделить второй (поздний) этап в развитии марьяновской культуры. В свою очередь малобудковские памятники были включены нами в ранний период бондарихинской культуры и отнесены в финал бронзового века [4, с. 4–12]. Последний вывод был принят практически всеми специалистами по археологии бронзы. Однако в отношении намеченных хронологических рамок позднемарьяновских памятников в пределах XV—XIII вв. до н. э. у некоторых исследователей возникли сомнения.

К примеру, А. В. Корохина полностью отрицает факт существования в Левобережной Лесостепной Украине и в Среднем Подонье памятников второго периода с указанной датировкой и, соответственно, единой марьяновско-бондарихинской культуры [5, с. 3–11]. Система ее аргументации сводится к следующему.

Во-первых, по мнению А. В. Корохиной, нет объяснения причинам давления соседними племенами на носителей марьяновской культуры в Левобережном Полесье. Во-вторых, в Днепро-Донецкой Лесостепи и в Подонье отсутствует территориальная и хронологическая ниша для позднемарьяновских памятников, так как в это время этот регион был занят населением срубной культурно-исторической общности. В-третьих, отсутствуют данные о контактах позднемарьяновских и срубных племен в местах их совместного проживания.

Ей же принадлежит и другой вывод относительно датировки появления на Северском Донце, Среднем Подонье и в Днепровском Правобережье памятников с керамикой марьяновского типа. С учетом малочисленности в указанных регионах таких пунктов и отсутствия на некоторых из них четкой стратиграфии, А. В. Корохина делает заключение, что данная группа памятников синхронна финалу срубной культурно-исторической общности и классической бондарихинской культуре. Ее появление в Лесостепи объясняется лишь инфильтрацией части населения с марьяновской керамикой из бассейнов Сейма и Десны. Более того, без каких-либо аргументов она поставила под сомнение датировку верхней хронологической границы ранних марьяновских памятников XV в. до н. э., предложенную С. С. Березанской. В итоге, по ее убеждению, нет никаких оснований говорить о существовании в Днепро-Донской Лесостепи особого марьяновского культурно-исторического горизонта, ставшего основой формирования памятников малобудковско-бондарихинского типа.

С целью внести ясность в решение данной проблемы, автор статьи в очередной раз делает попытку доказать факт существования в лесостепных районах к востоку от Днепра позднемарьяновских памятников и уточнить их датировку.

Достижение этой цели наталкивается на ряд трудностей. Наиболее важной из них является практически полное отсутствие в марьяновской культуре артефактов, необходимых для четких хронологических привязок. Вторым фактором, усложняющим решение данной задачи, являются топографические условия расположения памятников с марьяновской керамикой, что обусловило малочисленность хорошо стратифицированных пунктов. Тем не менее, они все-таки имеются, и с учетом изменений в их керамических комплексах появляется возможность наметить основные периоды в развитии марьяновской культуры.

Первый опыт разделения марьяновских памятников Левобережного Полесья по принципу относительной хронологии принадлежит В. И. Неприной [6, с. 17–28]. В кратком изложении приведем сделанные ею выводы.

Самым ранним, из раскопанных в этом районе, она считает поселение в уроч. Городок у с. Волинцево. В стратиграфическом отношении отложения марьяновской культуры (по данным С. С. Березанской и Д. Я. Телегина) залегали выше слоя с поздненеолитической керамикой ямочно-гребенчатой орнаментации, а перекрывался слоем культуры многоваликовой керамики. В данном случае мы можем говорить о времени бытования этого поселения в промежутке времени от самого начала II тыс. до XVIII в. до н. э.

В. И. Неприна отнесла к марьяновской культуре 335 фрагментов стенок, венчиков и днищ лепных сосудов. По форме выделяются слабопрофилированные плоскодонные горшки с отогнутыми и скошенными наружу краями венчиков, украшенные по всей поверхности оттисками в виде «гусеничек» или «колючей проволоки» в горизонтальную елочку, разделенных рядами круглых ямок (рис. 1: 1–8). Оба эти вида штампа выполнены оттисками палочки или щепки, обмотанных шнуром. В отличие от «гусеничек», «колючая проволока» образована штампом обмотанным шнуром не плотно, а разряженно. Два фрагмента сосудов, украшенных рядами прямого штампа, можно отнести к среднеднепровской культуре. Еще у двух экземпляров отмечены «жемчужины» — выпуклины на внешней стороне сосудов, появившиеся в результате вдавлений изнутри тулова сосуда. Поверхность сосудов ровно выглажена, иногда видны очень тонкие расчесы. В качестве примесей к их глине чаще всего фиксируется

Рис. 1. Образцы керамики раннего периода марьяновской культуры:

1–8 – поселение у с. Волынцево (уроч. Городок); 9–25 – поселение у с. Марьяновка

крупнозернистый песок (326 экз.), далее идут мелкий песок с половой, кварцевый песок и толченый кварц.

Поселение у с. Марьяновка, по-видимому, несколько позже предыдущего. В 1977 г. Среднеднепровская экспедиция Института археологии АН УССР под руководством И. И. Артеменко провела раскопки на этом памятнике [7, с. 3–7]. Общая раскопанная площадь составила 250 кв. м. Культурный слой с керамикой марьяновского типа был представлен двумя хозяйственными ямами, скоплениями керамики и кварцевыми орудиями. Обе ямы оказались перекрытыми позднеосницким жилищем XIII—XII вв. до н. э.

В слое и ямах найдены 66 фрагментов слабопрофилированных сосудов, но с более плавным изгибом тулова, чем на волынцевском поселении. Диаметр их венчиков 16–25 см, высота 25–30 см и диаметр дна 8–10 см. Края венчиков прямые или слегка отогнутые наружу (рис. 1: 9–25). В некоторых случаях они утолщены и косо срезаны. Сосуды с прямым венчиком иногда имеют ниже его края своеобразное валиковое утолщение, треугольное в сечении. Поверхность слегка шероховатая, хорошо заглажена. В глиняном тесте чаще всего встречается толченый кварц, кварцевый песок с растительностью. В единичных случаях замечена примесь толченого гранита, шамота и кровавика. Поверхность сосудов сплошь покрыта мелким орнаментом, состоящим из параллельных рядов оттисков «колючей проволоки», «гусеничек», круглых ямок. Авторы научного отчета обратили внимание на то, что в орнаментации этого поселения прослеживается определенная закономерность. А именно: сосуды с прямым венчиком орнаментированы только горизонтальными рядами, состоящими из вертикальных оттисков «гусенички»; сосуды с отогнутым наружу краем — только оттисками колючей проволоки, образующими елочный орнамент, иногда разделенный поясами горизонтальных оттисков этого же штампа, но и те и другие дополнительно имеют орнамент из ямок, расположенных горизонтальными рядами от венчика до дна сосуда. Появились два новых приема орнаментации: оттиски короткой веревочки и наколы, нанесенные щепкой (прообраз тычков).

Указанные инновации и стратиграфические наблюдения позволили И. И. Артеменко и его коллегам датировать Марьяновское поселение концом первой половины II тыс. до н. э. [7, с. 5].

Для определения относительной хронологии раннемарьяновских памятников большое значение имеют результаты исследования поселения у с. Борковка на берегу р. Десна, проведенные Е. Н. Титовой в 1987–1988 гг. [8, с. 31–32]. Судя по стратиграфическим данным, здесь керамика марьяновского типа залегала в слое и хозяйственной яме между отложениями поздненеолитической культуры типа Максаков и сосницкой культуры позднего бронзового века. В ее орнаментации преобладает штамп в виде «колючей проволоки», глубокие насечки и оттиски гребенки.

В целом упомянутые выше керамические комплексы очень близки керамике, обнаруженной В. Е. Куриленко в ходе разведок на 31 поселении в пределах Мезинского микрорайона на Десне [9, с. 49–50]. Как и на Сейме, местная посуда состоит из горшков вертикальных пропорций с отогнутым наружу, иногда прямым, краем венчика и небольшим плоским дном. В керамическом тесте имеется примесь мелкозернистого песка. Края некоторых венчиков оформлены в виде неширокого воротничка с приостренным срезом. Поверхность сосудов сплошь покрыта узором из полос горизонтальных елочек из «гусеничек» и «колючей проволоки», разделенных круглыми ямками. Имеется один фрагмент венчика с косыми насечками по его краю, круглыми ямками в основании шейки и подтреугольными тычками на плечиках горшка [9, с. 50, рис. 4, 12], что сближает его с более поздними малобудковско-бондарихинскими или левобудовскими сосудами.

В. Е. Куриленко и В. В. Отрощенко считают, что эти Деснянские поселения с марьяновской керамикой были синхронны раннему этапу культуры многоваликовой керамики и воронежской культуре периода средней бронзы. Их исчезновение из

Мезинского микрорайона они связывают с появлением в Левобережном Полесье племен сосницкой культуры [9, с. 50]. На этом раннем этапе в результате контактов на марьяновской керамике появляется среднеднепровский или катакомбный воротничок, а сосницкое население заимствовало от марьяновцев орнаментацию в технике «колючей проволоки» и нанесения круглых ямок под краем венчика.

В системе памятников раннемарьяновской культуры бассейна р. Сейм особое место занимает поселение у с. Ивановка (уроч. Майоров Бугор), исследованное Д. Я. Телегиным и С. С. Березанской в 1953–1954 гг. Как считает В. И. Неприна, в Левобережном Полесье оно является наиболее поздним. На нем, как и на некоторых других поселениях, зафиксирован факт прорезания культурного слоя с керамикой марьяновского типа землянкой сосницкой культуры [6, с. 42–43]. Однако для такого вывода более информативным аргументом служит характер керамического комплекса.

В типологическом отношении он очень близок посуде из Марьяновки (рис. 2: 1–8). Почти все сосуды этого поселения изготовлены из глины с примесью крупнозернистого кварцевого песка, иногда встречается и толченый кварц. Стенки сосудов ровно выглажены, некоторые имеют орнаментальные расчески снаружи. Внешняя поверхность сплошь покрыта оттисками в виде «колючей проволоки» в елочку, перевитого шнура и рядами ямок между ними. Реже встречается гребенчатый штамп.

Кроме этой группы керамики, совместно с ней в культурном слое встречены фрагменты сосудов, которые, по В. И. Неприной и А. В. Корохиной [6, с. 10, 18, 26], представляют керамические традиции малобудковского типа, характерные для памятников Днепро-Донской Лесостепи. Орнаментированы они тычками (оттиски концом плоской щепки, поставленной под углом к стенке сосуда) в сочетании с гребенчатым штампом, гребенчатыми расчесами или без них (рис. 2: 7, 9–17). Встречаются единичные случаи соединения классических марьяновских и этих инновационных черт на одном сосуде (рис. 2: 5, 7). Отсутствуют только «жемчужины», характерные для малобудковской посуды.

Этот своеобразный феномен требует своего объяснения. От его объяснения в значительной степени зависит решение вопроса о генезисе памятников малобудковско-бондарихинского типа.

По А. В. Корохиной, материалы Ивановского поселения свидетельствуют не об эволюции керамики марьяновской культуры, а только о контактах ее племен с создателями памятников малобудковского типа, связанными с традициями культур позднего бронзового века бассейнов Верхней и Средней Волги. Результатом развития этих контактов являются синкретические марьяновско-малобудковские комплексы в виде поселения Малые Будки на Сейме [10, с. 18].

Данное утверждение не находит подтверждений в археологическом плане. Во-первых, как было отмечено выше, гребенчатый штамп и выполненные им орнаментальные расчески на внешней поверхности использовались и в более раннее время существования марьяновской культуры. Дело оставалось только за развитием новой зарождавшейся местной традиции. Во-вторых, в Поволжье и Средней Оке отсутствуют археологические культуры рубежа средней и поздней бронзы, имеющие керамику малобудковского типа в качестве основного этнокультурного индикатора. В-третьих, в нашем распоряжении имеются данные еще о девяти памятниках, в культурных слоях и комплексах которых отмечено совместное залегание керамики марьяновского, малобудковского и даже бондарихинского типов. Однако они расположены уже не на Сейме и Десне, а в Днепро-Донской Лесостепи. Именно с ними мы связываем второй (поздний) период в развитии марьяновской культуры.

Первый памятник позднего этапа марьяновской культуры был исследован Воловиком С. И. в уроч. Лысый Горб [11]. О стратиграфических особенностях этого памятника мы уже писали [4]. Здесь имеет место наслоение жилища с керамикой марьяновского типа над землянкой срубной культуры. В верхнем комплексе содер-

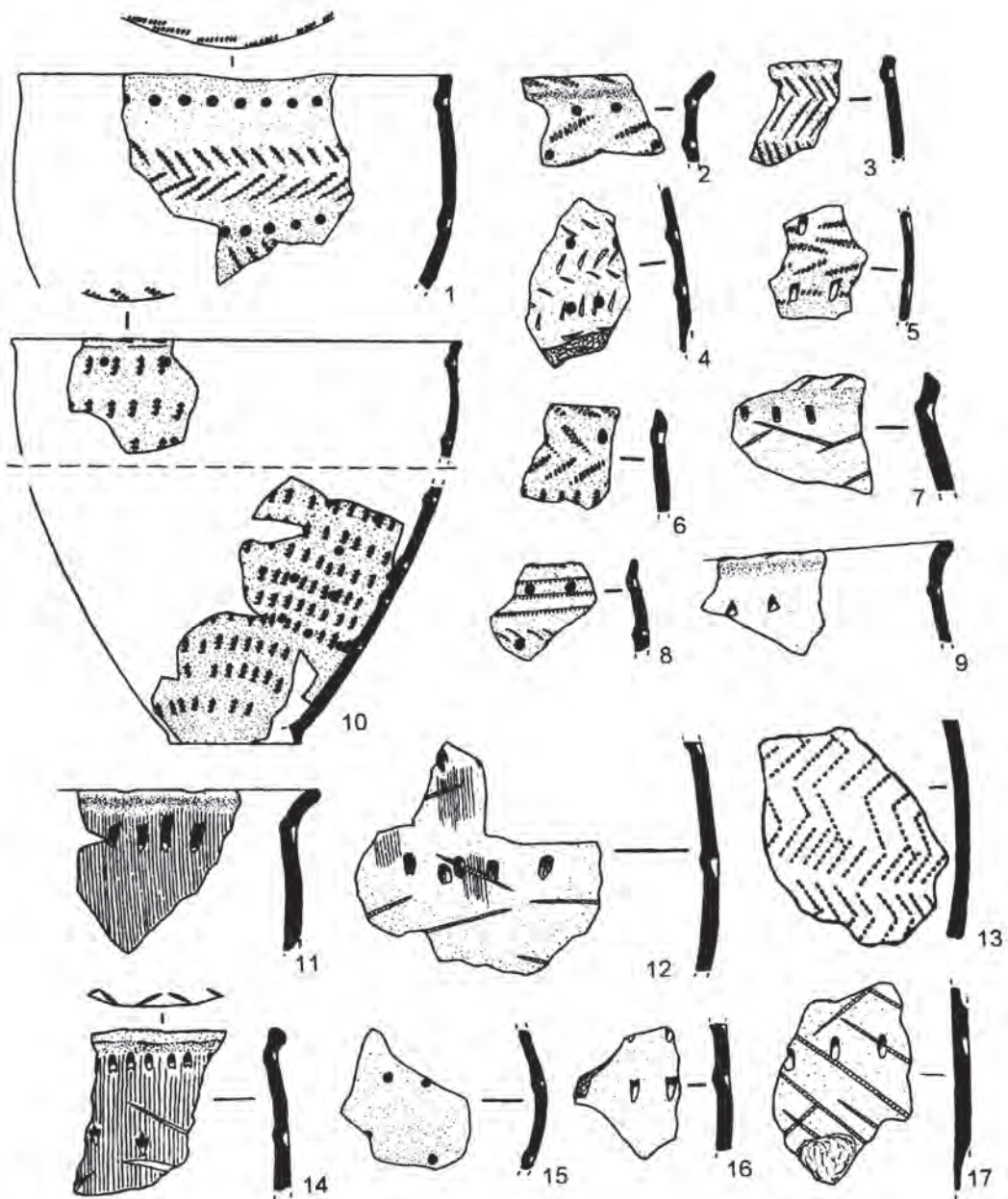

Рис. 2. Керамика из поселения у с. Ивановка (рисунки А. В. Корохиной)

жались материалы как классической марьяновской керамики, так и фрагменты посуды с инновационными элементами орнаментации (рис. 3: 3–6). А именно: наlepной валик и «гусеничный» штамп в виде геометрического фриза. Остальные находки с керамикой марьяновского типа были сосредоточены в раскопе 3.

Подавляющее большинство фрагментов сосудов из этого раскопа по форме, орнаментации и технологическим признакам очень близко напоминает керамические комплексы из Волынцевского и Марьяновского поселений. Однако здесь же найдено 22 обломка керамики от трех сосудов, украшенных оттисками «колючей проволоки» в елочку, разделенных рядами тычков (рис. 3: 2). Еще один фрагмент был украшен мелкозубчатым штампом в сочетании с такими же тычковыми вдавлениями (рис. 3: 7), что в хронологическом отношении ставит данный памятник в один ряд с ивановским поселением.

Керамика марьяновского, малобудковского и бондарихинского типов (рис. 4: 1–17) встречается также в культурном слое и хозяйственных ямах на городище чернолесской культуры у с. Субботово на Правом берегу Днепра [12, с. 164–178]. Судя по стратиграфическим наблюдениям, эти находки относятся к дочернолесскому времени [13, с. 28; 14, с. 40]. Примечательно, что в двух случаях фиксируется сочетание оттисков «гусеничек» с «жемчужным» орнаментом (рис. 4: 7–8). По данным радиоуглеродного анализа, время основания Субботовского городища относится к XIII—XII вв. до н. э. [15, с. 96].

Важным аргументом в пользу гипотезы о зарождении малобудковских керамических традиций в марьяновской культуре является закрытый комплекс в виде погребения 30 на грунтовом могильнике срубной общности у с. Червоный Шлях Харьковской области на берегу Северского Донца [4, с. 5]. Оно было совершено по обряду кремации на стороне и состояло из кучки кальцинированных костей, накрытых фрагментами от двух сосудов с частью каменной зернотерки. Археологические реконструкции указывают, что один из этих сосудов имел округлое и очень маленькое уплощенное дно с типичной для марьяновской культуры орнаментацией (рис. 5: 1), а второй — для малобудковского типа в виде трех горизонтальных рядов круглых ямок (рис. 5: 2). Фрагменты керамики этих типов встречаются в качестве остатков поминальной тризны и в других местах этого могильника (рис. 5: 3–6).

Хронологическое положение этих находок обозначено данными стратиграфии. Само погребение было впущено в котлован землянки второго периода бережновско-маевской срубной культуры серед. XIV—XIII вв. до н. э. Здесь же имеются биритуальные и кремационные захоронения этой общности вплоть до постсрубного горизонта. К финалу бронзового века относятся два жилища с материалами собственно бондарихинской культуры [16, 4–13]. В таком случае, погребение 30 вполне убедительно можно отнести к добондарихинскому времени и синхронизировать его с постсрубным культурно-хронологическим горизонтом.

Значительно труднее вопрос о дате появления памятников с керамикой марьяновского типа в сочетании с посудой малобудовско-бондарихинского облика решается в отношении бассейнов Среднего Сейма, Верхнего Подонья и Среднего Поднепровья. Классическим примером появления синкретических марьяновско-малобудковских традиций в орнаментации и изготовлении керамики финала бронзового века является поселение у с. Малые Будки. Этот факт был зафиксирован В. А. Ильинской [17, рис. 8] и на должном уровне дополнен специальными исследованиями А. В. Корохиной [18, с. 13–18].

Расхождения между их взглядами сводятся к тому, что первая из них сделала вывод о существовании прямой генетической связи между марьяновской культурой и памятниками малобудковского типа, а вторая — о наличии двух различных компонентов — Волго-Окского (основного) и марьяновского (второстепенного).

Орнаментация керамики из Малых Будок выглядит значительно более поздней в сравнении с вышеупомянутыми комплексами. Круглоямочные вдавления здесь составляют около 12 %, тычки — около 63 %, веревочный («гусенички» и «колючая

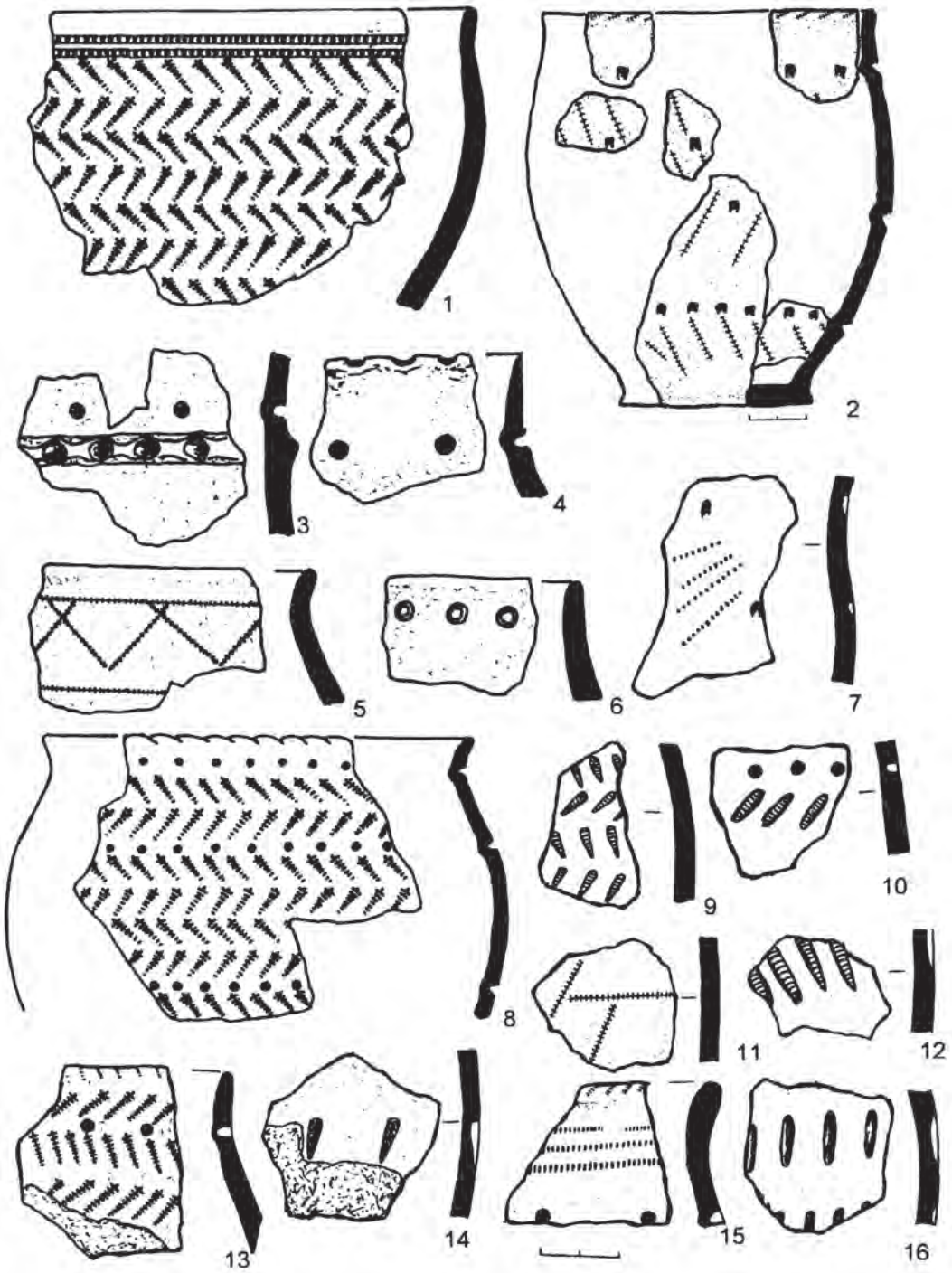

Рис. 3. Керамика из поселения в уроч. Лысый Горб:

1, 3–6 – из жилища А; 7–16 – из раскопа З

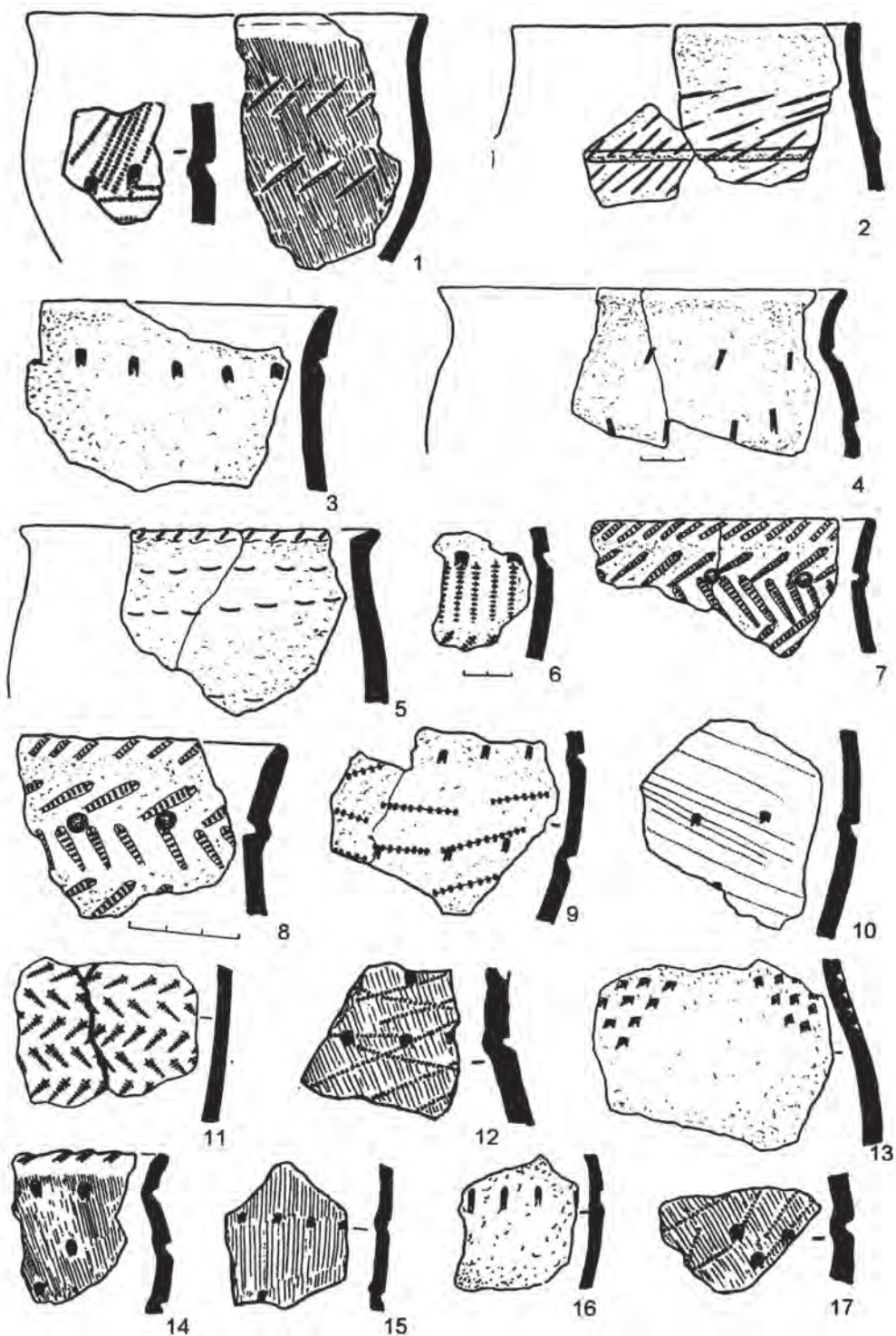

Рис. 4. Керамика из нижнего горизонта культурного слоя Субботовского городища

Рис. 5. Керамика из памятников бассейна Северского Донца и Верхнего Подонья:

1–6 – могильник Червоный Шлях 1; 7–9 – поселение Зелена Горница 4; 10 – поселение 7 у Гудовского Кордона; 11–21 – поселение Замятино 5

провода) — около 10 %, мелкозубчатый штамп — несколько более 19 %. Так называемые «восточные» виды орнамента сравнительно малочисленные: «жемчужный» — менее 6 %, гребенчатые расчески — 21,6 %. При этом, как признает А. В. Корохина, веревочный и мелкозубчатый штамп в орнаментальной традиции этого поселения имеют семантическое тождество [18, с. 16].

Отмеченное не позволяет рассматривать поселение у с. Малые Будки как принадлежащее ко второму периоду марьяновской культуры, с которой оно бесспорно имеет генетическое родство. Его керамика в хронологическом и типологическом отношении уже очень близка к посуде классического бондарихинского типа финала эпохи бронзы.

В контексте рассматриваемого вопроса обратим внимание на то, что малобудковские памятники, равно как и позднемарьяновские, неоднобразны по составу их керамических комплексов. К примеру, на поселении Малая Рублевка в бассейне Ворсклы есть образцы марьяновской, малобудковской и бондарихинской посуды, но они в песчаном грунте оказались стратиграфически неразделенными [4, с. 5]. Нечто подобное наблюдается на Долговской стоянке [19, с. 244], поселениях Гудовский кордон 7 (рис. 5: 11) и Замятино 5 (рис. 5: 10, 12–21) в Верхнем Подонье [20, с. 112–119]. В среднем Подонье к ним можно добавить поселения Зелена Горница 4 (рис. 6) и Темино [21, с. 217, рис. 13, 14, 16–17]. Во всех этих пунктах нет керамики малобудковского типа. Этот факт вызывает сомнения в правильности вывода руководителей их раскопок о синхронности отложений с марьяновской и бондарихинской посудой, но послужил поводом А. В. Корохиной для заключения о более поздней дате проникновения (инфильтрации) «марьяновцев» в бондарихинскую среду, чем это представляется автору статьи.

Если следовать логике рассуждений этой исследовательницы, то марьяновская культура должна была существовать в бассейнах Сейма и Десны до XIII в. до н. э. Однако приведенные выше данные указывают на начало заселения этих мест носителями соснинской культуры конца XVI—XV вв. до н. э. Имеется и ряд фактов, свидетельствующих об их этнокультурных контактах [22, с. 121; 23, с. 121]. Тем не менее, вопрос о времени исхода марьяновских племен из Левобережного Полесья в более южные лесостепные районы остается открытым.

По оценке С. С. Березанской, культурный слой с марьяновской керамикой на Ивановском поселении перерезался раннесосницким жилищем [22, с. 43]. В данном случае мы не имеем возможности проследить так называемый «шаг стратиграфии». Дело еще в том, что некоторые фрагменты сосудов сосницкого типа из Ивановки были орнаментированы «жемчужинами» [22, с. 215, табл. XIV, 8], характерными для позднего периода этой культуры [22, с. 172]. Так же позднесосницкие жилища перекрывали отложения изучаемой нами культуры на Марьяновском поселении, о чем упоминалось выше. Важно отметить, что в жилище 4 и 8 поселения у с. Пустынка найдены фрагменты сосудов, орнаментированных по марьяновскому подобию оттисками «гусеничного» штампа [23, с. 107, рис. 32; табл. XVIII]. Штампы в виде «колючей проволоки» и мелкозубчатой гребенки присутствуют на посуде из жилища 6 этого же памятника [23, табл. XX].

По С. С. Березанской, поздний период сосницкой культуры датируется XIII—XII вв. до н. э., возможно началом XI в. до н. э. С такой датировкой согласен и И. И. Артеменко [24, с. 110], но называет ее средним периодом. Если эти примеры верны, то марьяновские памятники на Сейме и Десне могли существовать с XVIII до XIV вв. до н. э. Ввиду этих заключений можно отказаться от даты XV в. до н. э., как времени начала позднего периода марьяновской культуры, памятники которой фиксируются уже в Днепро-Донской Лесостепи.

Этот вывод хорошо согласуется с данными стратиграфии, полученными на поселениях Лысый Горб и Червоный Шлях 1. Другими словами, марьяновские переселенцы

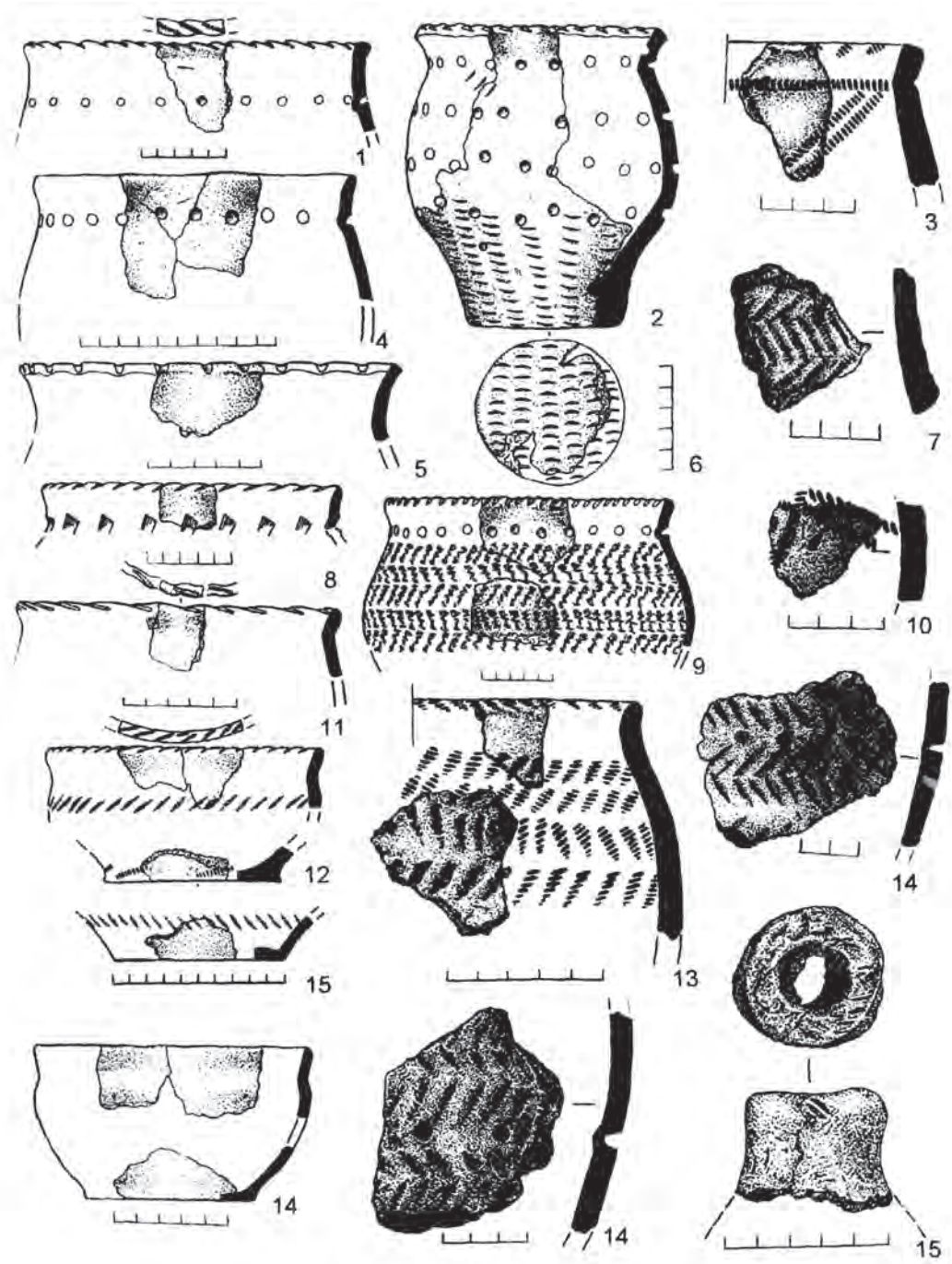

Рис. 6. Керамика из поселения Зелена Горница 4

появились в Днепро-Донской Лесостепи в то время, когда здесь еще существовала бережновско-маевская срубная культура. Этот факт насторожил А. В. Корохину и вызвал у нее принятие моей гипотезы о существовании второго (позднего) периода в развитии марьяновской культуры. В качестве критических замечаний она указала на отсутствие следов контактов между носителями этих этнокультурных образований в пределах зоны их существования. Но так ли это?

Количество памятников с керамикой марьяновского типа в лесостепной полосе все еще остается малочисленным. Однако оно растет каждые 3–5 лет. Только в 2009–2010 гг. были обнаружены два новых пункта: поселение у с. Васищево на левом берегу р. Уды¹ и в уроч. Борькин Ручей на Северском Донце.² В последнем случае отложения с марьяновской керамикой сопровождалась посудой малобудковского типа и стратиграфически были отделены от слоя бондарихинской культуры.

Также имеются данные об этнокультурных коммуникациях марьяновских племен с близкими и территориально удаленными соседями. В частности, керамика с марьяновской орнаментацией встречена на поселениях у с. Липки Владимирской области, которое относится к раннему периоду культуры с ложнотекстильной керамикой второй половины II тыс. до н. э. [25, с. 77], а также на поселении срубной культуры у с. Воскресенка на Средней Волге [50, с. 21].

Образцы фрагментов позднесрубной керамики с марьяновскими «гусеничками» происходят из поселений у с. Черкасский Бишкин 5 [27, рис. 2, 12] и в уроч. Гомольшанские дачи на Северском Донце.³ Имеются признаки и обратного влияния на позднемарьяновскую керамику со стороны срубной культуры, что нашло отражение в наличии налепных валиков на сосудах их Лысого Горба и Червоного шляха.

С. С. Березанская высказала предположение о появлении на малобудковской посуде орнаментации в виде оттисков зубчатого штампа и гребенчатых расчесов, что произошло под влиянием срубной культуры [2, с. 42]. Если оно верно, то такие контакты были установлены еще в позднемарьяновское время.

Таким образом, имеющиеся стратиграфические данные и анализ керамических комплексов подтверждают сделанный нами ранее вывод о существовании двух периодов в развитии марьяновской культуры. На раннем этапе (примерно XVIII—XV вв. до н. э.) ее памятники были расположены в Левобережном Полесье. Под давлением племен сосницкой культуры марьяновское население вынуждено было покинуть этот регион и переселиться в Днепро-Донскую Лесостепь, где в XIV—XIII вв. до н. э. существовало с создателями бережновско-маевской срубной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морачевський Я. Кераміка мар'янівської стації// Антропологія. — 1930. — № 3.
2. Березанская С. С. Северная Украина в эпоху бронзы. — К., 1982.
3. Березанська С. С., Іллінська В. А. Мар'янівсько-бондарихінська культура// Археологія Української РСР. — К., 1971. — Т. 1.
4. Буйнов Ю. В. Пам'ятки мар'янівської культури в Лівобережній Лісостеповій Україні// ВХНУ. — 2000. — № 485: Історія. — Вып. 32.
5. Корохіна А. В. Деякі проблеми вивчення генези та розвитку бондарихінської культури// Археологія. — 2010. — № 1.
6. Неприна В. И. Неолитические традиции в культуре ранней бронзы на северо-востоке Украины// Каменный век на территории Украины. Некоторые аспекты хозяйства и этнокультурных связей. — К., 1990.

¹ Сборы студента ХНУ имени В. Н. Каразина А. Ганьшина. Материалы переданы в МАЭСУ.

² Личная информация от В. Р. Иваницкого.

³ Раскопки автора. Материалы хранятся в МАЭСУ.

7. *Артеменко И. И., Неприна В. И., Моргунов Ю. В., Загребельный А. Н.* Отчет о работе Среднеднепровской экспедиции в 1977 г. — К., 1980//НА ИА НАНУ. — № 1980/12а.
8. *Титова Е. Н.* Новые данные к этнокультурной карте неолита — эпохи бронзы Среднего Подесенья//Проблемы археологии Сумщины. Тезисы докл. обл. научно-практической конф. — Сумы, 1989.
9. *Куриленко В. Є., Отрощенко В. В.* Динаміка культурних змін за доби бронзи у Мезинському мікрорайоні на Десні//Археологія. — 1988. — № 1.
10. *Корохіна А. В.* Керамічний комплекс поселення Іванівка — Майорів Бугор-2 на Сеймі та проблема формування бондарихінської культури//Проблеми історії та археології України: Матеріали VII Міжнародн. науч. конф. — Х., 2010.
11. *Воловик С. И.* Поселения эпохи бронзы у поселка Лагери на Северском Донце //РА. — 1993. — № 3.
12. *Граков Б. Н., Тереножкин А. И.* Субботовское городище. (Раскопки 1955 г.) //СА. — 1958. — № 2.
13. *Тереножкин А. И., Ильинская В. А.* Отчет Скифской средневековой экспедиции 1971 г. в Черкасской области//НА ИА НАНУ. — № 1971/12.
14. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Отчет о работах Скифской среднеднепровской экспедиции 1972 г.//НА ИА НАНУ. — № 1972/15.
15. *Клочко В. І., Ковалюх М. М., Мотзембеккер І.* Хронологія Суботівського городища//«Музейні читання». Матеріали Міжнародної наукової конференції. — К., 1998.
16. *Буйнов Ю. В.* Поселення бондарихінської культури біля с. Червоний Шлях на Харківщині//ВХНУ. — 2003. — № 594: Історія. — Вип. 35.
17. *Ильинская В. А.* Бондарихинская культура бронзового века//СА. — 1961. — № 1.
18. *Корохіна А. В.* До походження бондарихінської культури//Археологія. — 2009. — № 3.
19. *Левенок В. И.* Долговская стоянка, ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону//МИА. — 1965. — № 131.
20. *Мельников Е. Н.* Материалы финала эпохи бронзы с территории Верхнего Подонья//Археологические памятники Восточной Европы. — Воронеж, 2002.
21. *Гелиженко С. А., Супрун А. В.* Исследования многослойного памятника Зелена Горница-4//Матеріали та дослідження з археології Східної України. — Луганськ, 2004. — Вип. 3.
22. *Березанская С. С.* Средний период бронзового века в Северной Украине. — К., 1972.
23. *Березанская С. С.* Поселение эпохи бронзы на Днестре. — К., 1974.
24. *Артеменко И. И.* Сосницкая культура//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987.
25. *Никитин А. Л.* Эпоха бронзы на Плещеевом озере//СА. — 1976. — № 1.
26. *Трубникова Н. В.* Поселение эпохи бронзы у деревни Воскресенской//КСИА. — 1953. — Вип. 50.
27. *Буйнов Ю. В.* Материалы позднего бронзового века из поселения Великая тополяха-1 на Северском донце//ВХНУ. — 2008. — № 816: Історія. — Вип. 40.

Резюме

Буйнов Ю. В. Питання хронології та періодизації мар'янівської культури доби бронзи

Вирішення питання про хронологію та періодизацію мар'янівської культури ускладнене тим, що на її пам'ятниках майже повністю відсутні знахідки артефактів з хроноіндикаторними можливостями. За цими обставинами фахівці змушені

Н
Б
Р
А
Т
С

використовувати тільки стратиграфічні спостереження та враховувати зміни у керамічних комплексах окремих поселень.

Автор статті полягає на реальності існування у процесі розвитку цієї культури двох періодів: раннього (XVIII—XV ст. до н. е.), коли мар'янівські пам'ятки були розташовані виключно у Лівобережному Поліссі, та пізнього (XIV—XIII ст. до н. е.), пов'язаного з переміщенням мар'янівського ареалу до Дніпро-Донського Лісостепу під тиском племен сосницької культури. У керамічному комплексі пізньомар'янівських пам'ятників органічно поєднуються як традиційні елементи орнаментациї, так і інноваційні. Останні мають усі ознаки посуду малобудківського типу.

Ключові слова: доба бронзи, мар'янівська культура, поселення Малі Будки, бондарихінська культура.

Summary

J. Буинов. Issues of Chronology and Periodization Maryanovsky Culture of the Bronze Age

The question of chronology and periodization Maryanovsky culture is complicated by the fact that its monuments are almost no finds of artifacts from the chronoindication capabilities. For these reasons experts are forced to use only the stratigraphic observations and take into account changes in the ceramic complexes of the individual settlements.

The author of the article is the reality of existence in the development of this culture of two periods: early (XVIII—XV century BC), when Mar'yanivsky sites were located exclusively in the Left-bank of Poliss'ja, and late (XIV—XIII centuries BC) associated with the movement Mar'yanivsky area to the Dnieper-Don forest-steppe under pressure Sosnitsky tribal culture. In the ceramic complex of pizn'omaryanivsk monuments organically combines the traditional elements of ornamentation, and innovative. The latter have all the signs of ware malobudkivskij type.

Key words: Bronze Age, Maryanivsky culture, settlements Small Booths, bondaryhinska culture.

